

ГАНЬ БАО

*Записки
о поисках духов*

Санкт-Петербург
Издательство «Азбука»
2000

УДК 82/89
ББК 84.03
Г 19

О ГАНЬ БАО, ЕГО ВРЕМЕНИ И ЕГО РАЗЫСКАНИЯХ О ДУХАХ

Текст печатается по изданию:
Гань Бао. Записки о поисках духов
(*Соу шэнь цзи*). СПб., 1994

Перевод с древнекитайского
Л. Меньшикова

Издательство «Азбука» выражает благодарность
издательству Центр «Петербургское Востоковедение»
за участие в настоящем проекте

Знаменитый историограф

Автор предлагаемой сегодня русскому читателю книги «Записки о поисках духов» Гань Бао жил в конце III — начале IV в., в то время, когда была жива память о драматических событиях, потрясавших Китай в начале нашей эры. В эти два с половиной столетия пала великая империя Хань (так назывался Китай с 202 г. до н.э. по 220 г. н.э.), произошла узурпация власти временщиком Ван Маном, установившим свою династию в 9—23 гг. н.э., вспыхивали мощные народные восстания Краснорубовых (17—27 гг. н.э.) и Желтых Поясков (184 г.), надолго определявшие политические судьбы страны. В 220 г. единая страна распалась на три части (Вэй, Шу и У). Так называемый период Троецарствия продолжался до 264 г. В 265 г. Китай вновь объединился под названием Цзинь, во главе стали императоры из дома Сыма. В начале IV в. на северо-западных и северных границах Цзинь активизировались кочевые «варварские» племена, к 316 г. завоевавшие весь Север вплоть до долины Янцзы (так называемый «мятеж пяти варваров»). Один из членов правящего дома Сыма Жуй на Юге в 317 г. объявил себя императором, — обычно эту акцию называют «переправой на Юг», Гань Бао был одним из активных участников этой «переправы». Как полагалось образованному

- © Л. Меньшиков, перевод, статья, примечания, словарь-указатель, 1994
- © В. Пожидаев, оформление серии, 1996
- © «Азбука», 2000

ISBN 5-267-00127-9

китайцу, он кроме официального имени Бао имел «второе имя» — для дружеского и литературного обихода: Лин-Шэн. Родился он в уездном городе Синьдай (в восточной части нынешней провинции Хэнань) в семье чиновника. Его дед Гань Тун служил в период Троецарствия в государстве У, где получил звание Мужественного В Бою Полководца и титул Дутинского хоу. Он должен был быть знаком с Сыма Чжао, отцом основателя Цзинь Сыма Яня: именно Сыма Чжао был во главе победоносных походов царства Вэй на Шу и У. Понятно, что после смерти Сыма Чжао в 265 г. семейство Гань перешло на службу в новую империю Цзинь, к сыну его Сыма Яню. Отец писателя Гань Ин служил правителем округа Даньян недалеко от нынешнего Нанкина. Гань Бао в молодости усердно учился и еще в юношеские годы начал служить в канцелярии по составлению указов. Проявил он также и военные таланты. В 311 г. в западной части провинции Сычуань восстали бродяги. Восстание потом перекинулось и на области южнее Янцзы. Гань Бао принял участие в подавлении восстания и за это получил титул Гуаньнэйского хоу (Гуаньнэй — земли в северной части пров. Шэньси). Покровитель Гань Бао Ван Дао (276—339 гг.) служил Сыма Жую и, когда тот объявил себя императором в 317 г., подал новому государю доклад, где рекомендовал Гань Бао в качестве чиновника при историографическом ведомстве, который бы руководил как составлением государственной истории, так и написанием текстов императорских указов (такие чиновники официально именовались «пишущими»). Текст доклада сохранился, приведем его полностью:

Известно, что среди следов, оставляемых государями, нет таких, что были бы недостойны записей, которые помещают в хранилище указов и ниспосылают подданным непрерывно.

Император Сюань¹ утвердился повсюду в Четырех Морях²; император У воспринял трон от царства Вэй. Беспредельна их благодать, велики их заслуги; равномерно их наследие, высока их премудрость. А вот хронология их жизнеописаний не хранится в государственных сокровищницах; отзвуки их благодати еще не переложены для труб и для струн.

Премудрость и просветленность Вашего Величества указывают нам, что для грядущего достижения полного расцвета необходимо установить и обустроить императорскую историографию; написать и объединить государственную хронологию. Так сверху будут распространены доблести пращуров и дедов, снизу будут упорядочены заслуги исполнявших повеления. Надо стараться, записывая события, дать пример для позднейших поколений, удовлетворить чаяния ведущих и высших, усладить сердца людей и духов. В этом воистину наивысшая красота мира и расцвета, всеобъемлющая основа для тех, кто повелевает. Для устройства управления историографии надо повелевать служить «пишущими» Гань Бао и другим и велеть им не спеша приниматься за составление и сбор материалов.

В этом высокопарном произведении ясно выражено традиционное китайское отношение к истории как основе государственных установлений, позволяющей учесть положительный и отрицательный опыт предшественников, с целью не повторять ошибок и сохранить достижения предков. Гань Бао назван здесь «пишущим» (чжу цзюлан) по занимаемой им должности. Согласно

¹ Император Сюань — посмертный титул, данный Сыма И, деду основателя Цзинь Сыма Яня или Цзиньского У-ди (в тексте доклада: «император У»).

² Четыре Моря — образное название для окружавших Китай с четырех сторон некитайских племен.

старинной китайской традиции, государственные документы должны были составляться безукоризненно как с точки зрения точности приводимых в них в качестве обоснования фактов, так и с точки зрения самой изощренной стилистики. Поэтому на должность «пишущих» подбирались люди, умевшие доказать свои исторические познания и свое литературное искусство. Примером таких документов может служить приведенный выше доклад Ван Дао.

Гань Бао ко времени начала правления Цзиньского У-ди Сыма Яня успел уже доказать свои способности. Для придворного историографа, пишущего официальную историю страны, необходимы были те же качества, поэтому представление Ван Дао было принято и Гань Бао был назначен на искомую должность. Однако он не сразу принялся за дело. Семья его была бедна, и он сперва испросил себе скромную для государственного деятеля должность начальника уезда Шаньинь. Должность ему была дана более высокая — правителя округа Шянь (ныне Гуянь, центр южной провинции Гуанси). Обеспеченный теперь жалованьем, он параллельно занял место старшего историографа и смог посвятить себя написанию истории государства Цзинь. Несколько позже он был зачислен в императорскую свиту и получил звание «постоянно состоящего при особе государя» (*сань цзи чан ши*).

Через некоторое время Гань Бао представил на рассмотрение государя написанную им «Хронологию Цзинь» в двадцати цзюанях (свитки, бывшие в те времена обычной книжной единицей). Труд включал в себя подробное, составленное на основании государственных архивов хронологическое описание событий в государстве Цзинь за пятьдесят три года — от основания Цзинь в 265 г. до падения страны под ударами кочевников в 317 г. Таким образом, Гань Бао в своей истории дошел до правления основателя Восточной Цзинь Юань-ди (Сыма Жуя).

Его кисти принадлежали и многие другие сочинения, в том числе комментарии к классическим книгам древности, таким как «Книга перемен», «Чжоуское уложение», «Весны и осени» (летопись владения Лу за 722—481 гг. до н. э., сочинение Конфуция с добавлением преданий, зафиксированных современником Конфуция Цэо Цю-Мином), стихи и деловая проза и, наконец, «Записки о поисках духов», собрание рассказов о всякого рода необычных, чудесных, невероятных происшествиях. Можно видеть по названиям сочинений, сколь широка была сфера интересов Гань Бао. Круг занятий писателя не ограничивался государственной службой, он изучает конфуцианскую классику и даже составляет к ней комментарии, пишет стихи и изящную прозу и собирает в книгу материалы, которые мы сейчас могли бы назвать фольклором, но воздержимся от этого, потому что ни сам Гань Бао, ни его современники их таковым не считали.

Можно убедиться, что современники высоко ценили творчество Гань Бао. Один из влиятельнейших при дворе сановников, Ван Дао рекомендовал его на должность историографа, обосновывая это опытом Гань Бао в составлении государственных бумаг. С другой стороны, его имя упоминается в биографии одного из значительнейших лиц того времени Гэ Хуна (жил примерно в 283—364 гг.), глубокого философа, автора трактата «Баопу-цзы», где рассмотрены проблемы мироздания и политики, алхимии и медицины, магии и этики. Они попали ко двору в одно и то же время, однако Гань Бао не был богат и ему приходилось зарабатывать службой себе на жизнь, Гэ Хун же имел возможность удалиться от двора и от мира и последние два десятилетия прожить отшельником, посвятив себя целиком алхимическим изысканиям. Гэ Хун занимался и литературой, он составил «Жизнеописания святых и бессмертных» — книгу не только близкую по духу «Запискам о поисках духов» Гань Бао, но и

в некоторых частях сюжетно совпадающую с ними. Возможно, что Гань Бао и Гэ Хун были знакомы с юных лет, так как родился Гэ Хун в Даньяне — там же, где служил отец Гань Бао.

Из круга знакомств Гань Бао точно известно еще только одно имя — Лю Тань. Он представитель младшего поколения, умер в 30-е гг. IV в. в тридцатилетнем возрасте. Происходивший из такой же бедной семьи, что и Гань Бао, Лю Тань был замечен все тем же Ван Дао, представлен ко двору и получил должность в Даньяне. Был он, как и Гань Бао, и Гэ Хун, приверженцем даосского учения, увлекался философией основателей даосизма Лао-цзы и Чжуан-цзы; видимо, читал трактат Гэ Хуна. Что же до знакомства с сочинениями Гань Бао, то мы имеем точное свидетельство, что, прочитав «Записки», он приравнял их автора к древнему историографу Дун Ху, современнику Конфуция. Правда, добавил, что Гань Бао — Дун Ху в области духов.

Наверное, к числу знакомых и друзей Гань Бао можно было бы отнести еще многих людей из окружения Ван Дао. Но прямых свидетельств об этом нет. Но одно мы знаем точно: в «Записки» включены происшествия, о которых автор узнал от своих современников. А поскольку среди героев рассказов есть скромные служащие, начальники почтовых станций, простолюдины и крестьяне, имена которых (а часто и населенные пункты, где они живут) известны только в записи Гань Бао, он, скорее всего, услышал их от самих этих людей.

К сожалению, почти все наследие Гань Бао утрачено. В полном виде — хотя, возможно, несколько искаженном при переписке — до нас дошли только «Записки о поисках духов». «Хронология Цзинь», его главное историческое сочинение, видимо, была использована в дальнейшем при составлении «Истории Цзинь»

в VII в.: в китайской историографии не только не полагали зазорным использовать уже существующий материал, но считалось правильным вводить его без изменений после проверки на достоверность. Вполне вероятно, что «Хронология Цзинь» потому и утрачена полностью, что целиком вошла в первый раздел «Истории Цзинь» — «Императорская хронология».

От остальных произведений Гань Бао, за небольшими исключениями, до нас дошли только названия. Во-первых, сохранилось целиком предисловие Гань Бао к «Запискам о поисках духов», где автор излагает причины, заставившие его взяться за кисть и написать этот труд, — предисловие это составляет неотъемлемую часть «Записок» и включается во все многочисленные их издания, и мы тоже следуем этой традиции. Сохранилось «Рассуждение о хронологии Цзинь» и еще два небольших рассуждения, относящиеся к цзиньской истории. Очень интересно «Опровержение суждения о призывании духов и захоронениях» и еще два-три отрывка, дошедшие до нас в цитатах, приведенных в других сочинениях. И это все. Но если бы даже до нас не дошло ничего другого, Гань Бао все равно остался бы в веках автором «Записок о поисках духов», уже полторы тысячи лет служащих и занимательным чтением, и неисчерпаемым источником сюжетов, и образцом фантастической прозы, а в прежние времена — и историческим источником.

Духи, демоны и всяческие чудеса

«Записки о поисках духов» («*Сю шэнь цзи*») появились в результате весьма продолжительного периода развития китайской литературы (первые письменные памятники, и сейчас реально существующие в Китае, относятся к середине II тысячелетия до н. э.). В I тысячелетии до н. э. «Запискам» предшествовали

два направления китайской древней литературы. Одно из этих направлений — исторические сочинения. Кроме начального исторического свода «Древнейшие записки» («Шан шу», или «Шу цзин»), собравшего сюжеты, относящиеся ко времени до первых двух веков I тысячелетия до н. э., имелось несколько более поздних трудов, относящихся уже ко второй половине того же тысячелетия. Среди них наиболее знамениты три легендарных комментария (составленные Цзо Цю-Мином, Гуньян Гао и Гулян Чи) к летописи «Весны и осени» («Чунь-цю»), приписываемой самому Конфуцию. В летописи события только перечислены, обозначены каждое одной-единственной фразой. В комментариях же — особенно в комментарии Цзо Цю-Ми на — события описываются подробно, занимательно и поучительно, с красочными и часто неожиданными деталями. В такой же манере написан другой труд Цзо Цю-Ми на — «Речи царств», а также «Планы сражающихся царств», дошедшие до нас в редакции Лю Сяна (77(?)—6 г. до н. э.), крупного ученого, библиографа, историка и литератора. Завершением старой исторической традиции и началом традиции новой, просуществовавшей потом до XX в., явились два капитальнейших исторических труда: «Исторические записки» Сыма Цяня (род. ок. 145 г. до н. э., год смерти неизвестен) и «История Хань» Бань Гу (32—92 г.), — вобравшие в себя весь исторический опыт Китая того времени. Подобные сочинения включали множество сюжетов, рассказов о деяниях исторических лиц и служили также для занимательного чтения.

Другим направлением китайской литературы, предшествовавшим появлению сочинений типа «Записок о поисках духов», была китайская философская проза. Очень интересна в этом отношении знаменитая книга «Чжуан-цзы» (названная, как и другие философские сочинения древности, именем ее создателя). Отли-

чительной особенностью этого замечательного во всех отношениях произведения является сочетание философского высказывания с иллюстрирующей его притчей — то о философе Чжуан-цзы, видевшем удивительный сон, то о погибающем в пересыхающей луже карасе, то об искусно разделяющем тушу мяснике. Книга и до сих пор остается одним из любимейших чтений в Китае, а в последние десятилетия она стала популярной и за пределами ее родины, и многие современные писатели в Европе и Америке обращаются к «Чжуан-цзы». Философские сентенции, иллюстрированные притчами, встречаются в изобилии и в других сочинениях древнекитайских философов — «Хань Фэй-цзы», «Хуайнань-цзы», «Ле-цзы».

И все-таки исторические сюжеты и философские притчи играли в произведениях литературы I тысячелетия до н. э. вспомогательную роль: или как поучение на примере деяний предков, или же как способ донесения до читателя или слушателя (многие из древних философских сочинений первоначально проносились перед слушателями) глубинного смысла, скрытого в том или ином высказывании. В начале новой эры литература как бы осознала ценность сюжета как такового, и в это время появляется много сборников рассказов — тематических (скажем, о святых отшельниках или почтительных сыновьях) и смешанных, наиболее известными среди которых являются собрания рассказов об удивительном, о духах, демонах, сверхъестественных способностях людей и т. п. Сначала появились сборники фантастического содержания, а потом, уже после Гань Бао, появляются и сборники бытовых и литературных анекдотов, где фантазия, сверхъестественное отсутствуют, а демонстрируются ловкость, искусность, блеск ума, — самым знаменитым сборником этого рода считаются по справедливости «Рассказы о мире в новых словах» Лю И-цина

(403—444 гг.). Эти небольшие произведения, безразлично — фантастического или бытового содержания, получили общее название *сяошо*, что первоначально означало «рассказы ничтожных». Согласно «Истории Хань» Бань Гу, в государстве были специальные чиновники, записывавшие, что говорил простой народ «у колодцев и в переулках». Целью же этих записей было узнавать народное мнение и сообщать его властям — так говорит Бань Гу. Но уже ко времени Гань Бао *сяошо* стали называть короткий сюжетный рассказ. А во II тысячелетии термин *сяошо* приложили к сюжетной, повествовательной прозе вообще, включая новеллу, повесть, роман, — это употребление сохранилось до нашего времени.

«Записки о поисках духов» остались в веках как наиболее универсальный, всеобъемлющий сборник фантастических рассказов. Впрочем, ни сам Гань Бао, ни его современники не считали их фантастикой. Из сочинения Гэ Хуна «Баопу-цзы» можно видеть, что при всей общей мистической направленности этого сочинения нередко проскальзывает сомнение в реальном существовании духов, — правда, Гэ Хун всякий раз опровергает подобные мнения. Если мы прочтем предисловие Гань Бао к «Запискам», то убедимся, что подобные же сомнения побудили его начать изыскания о духах. Как историк, Гань Бао подбирает материал прежде всего у древних, которые в китайской традиции всегда считались наивысшим авторитетом при разрешении споров. В то же время Гань Бао собирает сведения о всяческих удивительных происшествиях, случившихся с его современниками. Более того, два случая произошли в его собственной семье.

Гань Ин, отец Гань Бао, имел служанку, к которой весьма благоволил, супруга же его чрезвычайно к ней ревновала. Когда отец умер, матушка Гань Бао столкнула свою соперницу в склеп и там заперла. Когда же

скончалась матушка, склеп вскрыли и там обнаружили тело служанки, несколько не поддавшееся тлению и даже еще теплое. К вечеру служанка пришла в себя и рассказала, что покойник уделял ей долю от приносимых ему жертвоприношений и клал рядом с собой, как при жизни. Согласно биографии Гань Бао, служанку выдали замуж, и она родила сына.

Другой случай произошел с Гань Цинем, старшим братом Гань Бао, который тяжело заболел, и дыхание его прервалось. Его уже считали мертвым, но через три дня он вернулся к жизни и рассказал, что видел духов и демонов словно бы во сне, ничуть не помышляя о том, что умер. Эпизод этот зафиксирован даже трижды: в сочинении самого Гань Бао, в «Продолжении записок о поисках духов», приписываемом великому поэту Тао Цяню (365—427 гг.), и в биографии Гань Бао. Включение этих фактов в официальную историю показывает, что ни сам Гань Бао, ни Тао Цянь (или другой автор «Продолжения»), ни составители «Истории Цзинь» (VII в.) не сомневались в достоверности этих сведений.

Все же Гань Бао делает оговорку. Он призывает читателя верить древним, неопровержимо свидетельствующим о существовании духов, чудес и всякого рода диковинок. Как истинный историк, он фиксирует расхождения в источниках при изложении того или иного происшествия, что, с его точки зрения, достоверно свидетельствует о том, что такое происшествие имело место. Что же касается случаев, произошедших с современниками, то читатель может и не доверять личному опыту Гань Бао и записанным им фактам, но тогда они будут дополнением к несомненно истинным древним свидетельствам.

Китайская литература последующих веков и даже тысячелетий во множестве использовала материалы из «Записок о поисках духов». Вскоре после смерти Гань Бао (предположительно, он умер в конце 30-х или

в начале 40-х гг. IV в.) было составлено (возможно, Тао Цзянем) «Продолжение записок о поисках духов». Когда в начале XX в. в буддийских пещерах-храмах недалеко от городка Дуньхуана в провинции Ганьсу была открыта рукописная библиотека I тысячелетия, среди рукописей отыскан текст «Записок о поисках духов», где автором значится некий Цзюй Дао-Син (имя, по другим источникам не известное). В XVIII в. искусный филолог и литератор Ван Мо решил издать свод сочинений периода Хань и последующих времен — вплоть до конца VI в. Он обнаружил и включил в составленную им серию еще один текст «Записок о поисках духов», неизвестного автора, который ни с сочинением Гань Бао, ни с сочинением Цзюй Дао-Сина не совпадает. Академик В. М. Алексеев сообщает в одном из своих исследований, что он приобрел «Записки о поисках духов» — «с ужасными картинками», — также ничего общего с сочинением Гань Бао не имеющие. Таким образом, даже это название было столь привлекательно для авторов и читателей, что его неоднократно использовали при составлении сборников ему в подражание.

И тем не менее только произведение Гань Бао осталось популярным до наших дней. Это и неудивительно. Дело в том, что для своего времени труд Гань Бао явился наиболее обширным, всеобъемлющим и разнообразным. Чтобы в этом убедиться, достаточно перечислить (не обозначенные прямо, но деящиеся по цзюаням) темы, затрагиваемые в сочинении.

ЦЗЮАНЬ ПЕРВАЯ: отшельники, бессмертные, чудотворцы; общение смертных с небожителями.

ЦЗЮАНЬ ВТОРАЯ: борцы с нечистью, избавители от бед (главным образом даосы; буддийский монах встречается лишь однажды — в отличие от последующей литературы, где буддисты выступают наравне с даосами).

ЦЗЮАНЬ ТРЕТЬЯ: предсказатели, провидцы, гадатели, врачеватели.

ЦЗЮАНЬ ЧЕТВЕРТАЯ: духи гор, рек, лесов и их проделки. К ней примыкает *цзюань пятая:* алтари духов и их происхождение.

ЦЗЮАНИ ШЕСТАЯ И СЕДЬМАЯ: знамения всякого рода и их объяснения; *цзюань восьмая:* гадания и предсказания на основании различных знамений.

ЦЗЮАНЬ ДЕВЯТАЯ: странные существа и что знаменуют их появления.

ЦЗЮАНЬ ДЕСЯТАЯ: вещие сны.

ЦЗЮАНЬ ОДИННАДЦАТАЯ: странные случаи, почтительные дети, верные до гроба и после смерти супруги, неразлучные друзья.

ЦЗЮАНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ: оборотни, злые духи.

ЦЗЮАНЬ ТРИНАДЦАТАЯ: необыкновенные горы и воды, странные существа, обитающие в горах, водах и почве.

ЦЗЮАНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ: животные, действующие как разумные существа.

ЦЗЮАНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ: воскрешения.

ЦЗЮАНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ: появление покойников, люди и духи умерших.

ЦЗЮАНЬ СЕМНАДЦАТАЯ: проделки оборотней.

ЦЗЮАНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ: оборотни (лисы и собаки, предметы обихода, духи деревьев и вод и т. п.).

ЦЗЮАНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ: оборотни (змеи, кайманы, рыбы, мыши).

ЦЗЮАНЬ ДВАДЦАТАЯ: животные, выражающие благодарность за милости, оказанные им людьми, либо мстящие им за причиненное зло.

Любой из этих тем находится продолжение в последующей китайской литературе — и в повествовательной (что понятно), и в исторической (что нам может показаться странным).

Судьба сборника

У нас есть многочисленные свидетельства того, что современники и потомки в ближайшие два-три века рассматривали «Записки о поисках духов» прежде всего как историческое произведение, а к сведениям, сообщаемым в «Записках», относились как к достоверным фактам. Достаточно сказать, что историк Фань Е (398—455 гг.), автор «Истории Поздней Хань», заимствует без изменений материал из сборника Гань Бао не только для биографий даосских магов и чародеев, но и для раздела «Сведения о движении пяти стихий», где всяческие знамения и странные происшествия тщательно фиксированы. Сразу же после установления империи Цзинь, объединившей Китай, историк Чэнь Шоу (232—297 гг.) написал «Историю Троецарствия». В более позднее время другой историк, Пэй Сун-Чжи (372—451 гг.), обнаружил в сочинении Чэнь Шоу много огрехов и пропусков. Чтобы их исправить и дополнить, Пэй использовал как архивные материалы, так и данные, встречавшиеся в исторических и литературных трудах авторов, живших во время Чэнь Шоу и позже. Среди цитируемых Пэй Сун-Чжи сочинений «Записки о поисках духов» занимают одно из первых мест. И позже Дао-Ши, составитель буддийской энциклопедии второй половины VIII века «Жемчужный лес сада закона», заимствует большое количество материала из труда Гань Бао. Признание «Записок» сочинением, содержащим достоверный исторический материал, подтверждается еще одним: в библиографических трудах того времени «Записки» (и все другие сочинения разряда *сяошо*) отнесены в отдел «Историки».

По библиографическим трудам более позднего времени, начиная с конца X в., видно изменение оценки *сяошо*: теперь они уже помещаются в отдел «Фило-

софы» — видимо, потому, что духи и творимые ими чудеса в китайском (даосском преимущественно) понимании были одним из проявлений природных сил, стихий. И для относимых к области философии естественнонаучных знаний материалы *сяошо* по-прежнему представляются ценными. Таким образом, занесенные в другой отдел традиционной китайской библиографии, «Записки о поисках духов» сохраняют значение научного труда.

С начала нашего тысячелетия в китайской литературе развиваются два направления. Одно из них — это так называемые *бицзи* (заметки обо всем). Авторы этих своеобразных произведений записывали все достойное внимания, что они видели вокруг или слышали от других людей. Эти пестрые заметки потом объединялись в книги, которым давались красочные названия. По своему характеру *бицзи* ближе всего к «Запискам о поисках духов». Другое же направление — в противоположность первому, сохранявшему облик научного собрания сведений не слишком известных, но любопытных и полезных — носило развлекательный, беллетристический характер. К беллетристике относятся новелла, роман, повесть, на протяжении II тысячелетия представленные длинным рядом великолепных произведений, которыми много столетий зачитываются китайские читатели всех возрастов. Рядом с прозой стоит драматическая литература, непрерывно и бурно развивающаяся начиная с XIII в. Все эти направления и жанры литературы свои сюжеты во множестве заимствуют из старинных *сяошо*, и в значительной степени — из «Записок о поисках духов». Собственно же короткий рассказ как будто бы сошел со сцены, особенно после того, как в XI в. была составлена огромная энциклопедия сюжетов, состоящая из пятисот цзюаней, под названием «Обширные записи годов Тайпин». Энциклопедию читали, брали из нее сюжеты, но

повесть, роман, драма неудержимо завоевывали умы и внимание читателей и зрителей.

В это же время, в XI в., недавно изобретенное книгопечатание с резных досок (ксилография) позволило закрепить и сохранить тексты классической литературы и обеспечило все более широкое ее распространение. В числе других изданных произведений были и «Записки о поисках духов» Гань Бао. Поскольку до конца I тысячелетия сочинения распространялись в списках, то у филологов нового времени неоднократно возникали подозрения, что мы имеем дело не с древними памятниками в их первоначальном виде, но с текстами, искаженными при многократных переписках. Целая армия ученых трудится над выяснением подлинности (аутентичности) тех текстов, с которыми мы имеем дело сейчас. Вызывала сомнения и подлинность текстов «Записок» Гань Бао. Сейчас, после более чем трех столетий сверок, перепроверок, перекрестных сравнений, ученые пришли к выводу, что, за исключением незначительных деталей, не меняющих характера произведения, мы в целом имеем дело с первоначальным текстом, каким он вышел из-под кисти автора. Наиболее убедительными оказались сверки цитат. «Записки о поисках духов» цитировались бесчисленное количество раз в исторических трудах, комментариях, энциклопедиях и сводах самого различного характера. Как правило, никакой разницы с ныне существующим текстом в этих цитатах нет, в некоторых случаях цитата сокращена, выпущены отдельные места — и все. Правда, обнаружено около тридцати отрывков, которых нет в нашем тексте, но неизвестно, цитаты ли это из произведения Гань Бао или же из других сочинений, заимствовавших это заглавие.

Остается сказать о еще одном любопытном этапе развития короткого рассказа. В XVIII в., когда, казалось бы, полную победу одержали большие произ-

ведения повествовательной прозы — повесть и роман, жанр короткого рассказа неожиданно возродился в творчестве сразу трех крупнейших авторов. Один из них, Пу Сун-Лин (1640—1715), автор знаменитого сборника «Странные истории из Кабинета Неудачника», хорошо известен в нашей стране, многократно переиздавался в блестящих переводах академика В. М. Алексеева. Два других — Юань Мэй (1716—1798) и Цзи Юнь (1724—1805) — известны меньше, хотя на русском языке имеется почти полный перевод сборников новелл этих двух авторов, выполненный О. Л. Фишман. Для всех трех авторов образцом (хотя и опосредованным последующими течениями литературы, особенно *бицзи*) были, несомненно, *сяошо* первой половины I тысячелетия. Однако есть и значительная разница между тем, что писал Гань Бао, и написанным авторами XVIII в. Гань Бао, как мы видели, не сомневался, что сверхъестественные явления существуют, он ставил своей целью собрать свидетельства о чудесах, определяя при этом степень их достоверности. К XVIII в. вера в существование чертей и духов была значительно поколеблена. Авторы нового времени прибегают к рассказам о духах и чудесах, скорее всего, как к литературному приему, где несуразности и несоответствия здравому смыслу в реальной жизни при разглядывании их через призму чудесного выглядят еще более нелепо, чем в действительности. С другой стороны, обращение к помощи и поддержке монахов-волшебников (даосов и буддистов), а также и благодеяния, оказываемые разными добрыми или просто сочувствующими человеку духами, позволяют скорректировать действительность в сторону справедливости, более благоприятных обстоятельств.

И в XX в. китайские писатели многократно обращались к волшебным рассказам того далекого времени. Об этом свидетельствует неослабевающий интерес

к литературе тех времен со стороны таких корифеев, как, например, Лу Синь, и достаточно частые переработки сюжетов для современного читателя многими другими писателями. Не говоря уже о том, что современная китайская наука все чаще обращается к изучению истории этих текстов, установлению подлинности и снабжению их комментариями. В частности, надежный и проверенный текст «Записок о поисках духов» Гань Бао и комментарии к нему подготовлены современным ученым Ван Шао-Ином, с издания которого 1979 г. сделан настоящий перевод.

Л. Н. Меньшиков

Записки о поисках духов

СОДЕРЖАНИЕ

О Гань Бао, его времени и его разысканиях о духах. <i>Л. Н. Меңришиков.</i>	5
--	---

ЗАПИСКИ О ПОИСКАХ ДУХОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ	25
ЦЗЮАНЬ ПЕРВАЯ	27
ЦЗЮАНЬ ВТОРАЯ	46
ЦЗЮАНЬ ТРЕТЬЯ	56
ЦЗЮАНЬ ЧЕТВЕРТАЯ	71
ЦЗЮАНЬ ПЯТАЯ	83
ЦЗЮАНЬ ШЕСТАЯ	96
ЦЗЮАНЬ СЕДЬМАЯ	113
ЦЗЮАНЬ ВОСЬМАЯ	121
ЦЗЮАНЬ ДЕВЯТАЯ	126
ЦЗЮАНЬ ДЕСЯТАЯ	132
ЦЗЮАНЬ ОДИННАДЦАТАЯ	137
ЦЗЮАНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ	159
ЦЗЮАНЬ ТРИНАДЦАТАЯ	172
ЦЗЮАНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	177
ЦЗЮАНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ	189
ЦЗЮАНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ	206
ЦЗЮАНЬ СЕМНАДЦАТАЯ	232
ЦЗЮАНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ	245
ЦЗЮАНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	267
ЦЗЮАНЬ ДВАДЦАТАЯ	275
ПРИЛОЖЕНИЯ	285
Примечания	289
Словарь-указатель	302